

ДВИЖЕНИЕ КОЛОННЫ

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА КНЯЗЯ СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКАГО

ЧРЕЗЪ БАЛКАНЫ И ШИПКИНСКОЙ БОИ 27-ГО И 28-ГО ДЕКАБРЯ.

(Съ двумя картами).

Къ числу самыхъ блестящихъ дѣлъ минувшей войны, покрывшихъ новою славой русское оружіе и имѣвшихъ громадное и рѣшающее вліяніе на быстрый исходъ кампаніи, безспорно, принадлежитъ внезапный и смѣлый переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы и затѣмъ бой и плѣненіе всей шипкинской арміи Весселя-паши.

Не имѣя возможности представить полную картину этого дѣла, за отсутствіемъ подъ руками достаточно точныхъ свѣдѣній о движеніи и дѣйствіяхъ правой колонны генералъ-адъютанта Скобелева 2-го, а также подробностей о штурмѣ турецкихъ позицій на вершинѣ Шипкинскаго перевала, я ограничиваюсь лишь изложеніемъ того, что касается лѣвой колонны, описывая событія, непосредственно совершавшіяся передъ глазами, и представляю свои записки какъ матеріалъ для изложенія всего дѣла въ общей совокупности и для критической его оцѣнки.

Послѣ паденія Плевны 28-го ноября, въ главной квартирѣ несомнѣнно зародилась тотчасъ же мысль о переходѣ войскъ черезъ Балканы, но осуществленіе ея нѣсколько затянулось, какъ вслѣдствіе необходимости сдѣлать надлежащія передвиженія войскъ, освободившихся съ паденіемъ Плевны, такъ и потому, что представлялось нужнымъ вполнѣ обезпечить Тырновъ со стороны Елены, замѣнить другими войска 9-й

дивизіи и 4-й стрѣлковой бригады, которыя предназначались къ переходу черезъ Балканы.

Рѣшеніе вопроса о предстоящемъ движеніи сохранялось однако до времени въ секретѣ, и на близость перехода начало намекать лишь то обстоятельство, что двумя полкамъ 9-й дивизіи, Сѣвскому и Орловскому, и 4-й стрѣлковой бригадѣ, занимавшимъ г. Елену, предписано было, послѣ смѣны ихъ полками 11-й пѣхотной дивизіи, 7-го декабря, перейти въ г. Травну, ближе къ перевалу. Туда же приказано было притянуть 33-й пѣхотный Елецкій полкъ, занимавшій уже въ теченіе пяти мѣсяцевъ Хаинкойскій перевалъ. Такимъ образомъ, въ Травнѣ началъ сосредоточиваться значительный отрядъ, которому, очевидно, предназначалась роль не пассивная, такъ какъ Травна, въ смыслѣ оборонительномъ, не имѣла никакого особаго значенія, и въ ней до того вовсе не было войскъ, за исключеніемъ одной болгарской дружины, занимавшей урочище Крестецъ, для наблюденія за Травненскимъ переваломъ, и сотни казаковъ, наблюдавшихъ за Бедкомъ.

Одновременно съ передвиженіемъ названныхъ войскъ въ Травну, 16-я пѣхотная дивизія и 3-я стрѣлковая бригада изъ подъ Плевны перешли въ Зелено-Древо, близъ Шипкинскаго перевала. Въ то же время отъ командира 8-го корпуса прислано было приказаніе о томъ, чтобы полки запасались вьюками. Все это вмѣстѣ взятое явно намекало на близость перехода. Наконецъ, начальнику 9-й пѣхотной дивизіи предписано было со штабомъ и подвижнымъ дивизионнымъ лазаретомъ перейти изъ Тырнова также въ Травну. 20-го декабря штабъ дивизіи прибылъ въ Травну, а начальникъ ея еще нѣсколько ранѣе былъ приглашенъ къ командиру корпуса и уѣхалъ на Шипку для личныхъ переговоровъ.

По прибытіи генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго въ Травну оказалось, что вопросъ о переходѣ чрезъ Балканы рѣшенъ окончательно, и начало движенія назначено на 24-е декабря.

Въ составъ лѣвой колонны князя Мирскаго назначались: три полка 9-й дивизіи (Елецкій, Сѣвскій и Орловскій, — Брянскій, четвертый, оставался на Шипкѣ), 4-я стрѣлковая бригада полковника Крока, 9-я болгарская дружина, занимавшая Крестецъ, Донской казачій № 23-го полкъ, двѣ пѣшихъ батареи (4-я—14-й артилерійской бригады и 1-я—9-й артилерійской бригады), горная № 1-го батарея и рота саперовъ 5-го сапернаго баталіона. Въ составъ правой колонны генерала Свобелева 2-го назначались: 16-я пѣхотная дивизія, 3-я стрѣлковая бригада, пять болгарскихъ дружинъ и передъ началомъ движенія была присоединена 1-я кавалерійская дивизія.

Нельзя было не обратить вниманія на то, что лѣвая колонна для предстоящаго выполненія своей задачи оказывалась слабою при упомянутомъ составѣ по слѣдующимъ причинамъ: еще не прошло мѣсяца послѣ кроваваго Елененскаго боя, въ которомъ Сѣвскій и Орловскій полки потеряли треть своего состава и готовились къ предстоящему переходу далеко не въ комплектѣ, представляя боевую силу каждый не болѣе какъ въ 1,500 штыковъ; 4-я стрѣльбовая бригада, мѣсяца лишь полтора передъ тѣмъ спущенная съ Шипки, гдѣ она прославилась геройской защитой во время августовскихъ штурмовъ Сулеймана и штурма 5-го сентября, едва успѣла нѣсколько вздохнуть и далеко не представляла также полного комплекта, имѣя не болѣе 2,500 штыковъ. Болгарская дружина насчитывала въ своихъ рядахъ только до 250 человекъ исключительно почти элемента кадрового, такъ какъ прочіе болгары, поступившіе въ составъ дружины, не взирая на строгія мѣры, принимаемыя противъ самовольныхъ отлучекъ, уходили цѣлыми десятками по домамъ, и дружина мало по малу растаяла почти до трети своего состава. Наконецъ, 23-й Донской казачій полкъ имѣлъ въ каждой сотнѣ не болѣе шестидесяти коней, что также составляло очень скромную силу, менѣе 400 всадниковъ, и только одинъ 33-й пѣхотный Елецкій полкъ, получившій незадолго передъ тѣмъ укомплектованіе, имѣлъ полные ряды. Такимъ образомъ, сила всего отряда состояла не болѣе какъ изъ 9,000 человекъ. Переходъ черезъ Балканы въ такую пору года, сопряженный съ тяжелыми трудами и лишениями, долженъ былъ тоже отнять извѣстный процентъ изъ общей численности, такъ что боевой составъ, годный къ дѣлу послѣ дебушированія въ долину Тунджи, оказывался слабымъ.

Цѣль движенія обѣихъ колоннъ, — лѣвой, черезъ Сельцы и Гузово и правой, отъ Зелена-Древа на Иметли, — заключалась въ томъ, чтобы совокупными усиліями обонхъ отрядовъ принудить шипкинскую турецкую армію къ отступленію и освобожденію шипкинскаго перевала для дебушированія войскъ, оборонявшихъ переваль Шипку подъ начальствомъ генерала Радецкаго. Если принять при этомъ во вниманіе, что лѣвой колоннѣ выпадала задача самая трудная, такъ какъ ей, во первыхъ, предстояло совершить дальній стратегическій обходъ, ибо разстояніе отъ Травны до Горняго-Гузова, первой деревни у южной подошвы Балканъ, составляло слишкомъ 50 верстъ, во-вторыхъ, отъ д. Сельцы необходимо было отдѣлить часть силъ къ д. Манглышъ (къ которой отъ Сельцы шла дорога), для обезпеченія своего фланга и операціонной линіи, и, въ-третьихъ, въ виду того, что отрядъ, спустившись въ долину Тунджи, не имѣлъ рѣшительно никакого обезпеченія

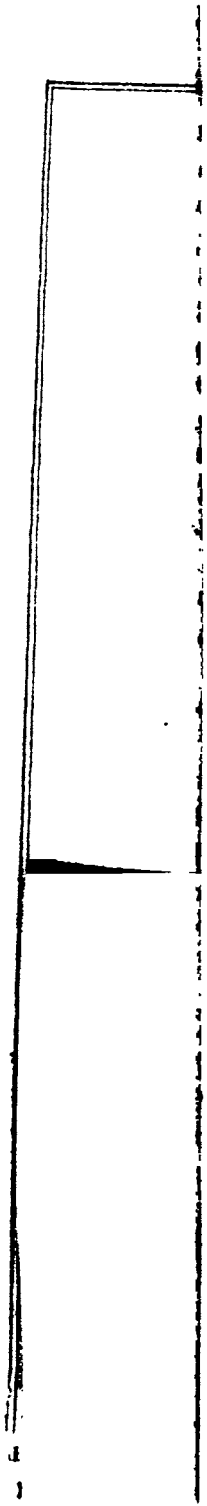
со стороны Хамшиол, Иеня-Загры и Кавандыка, и при такихъ условіяхъ, наступая къ д. Шиникѣ, долженъ былъ совершенно открыть свой фронтъ и лѣвый флангъ, — являлось положительнымъ необходимымъ этотъ отрядъ усилить, иначе усѣбное выполнение задачи представлялось сомнительнымъ.

Соображенія эти представлены были княземъ Мирскимъ корпусному командиру, и генералъ Радецкий ходатайствовалъ предъ главнокомандую щимъ объ усиленіи лѣвой колонны цѣлою дивизіею. На это ходатайство послѣдовало разрѣшеніе, и 30-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-майора Шнитникова, два дня лишь передъ тѣмъ прибывшей къ-подъ Илены въ Тырновъ, предписано было выступить немедленно и войти въ составъ лѣвой колонны. Съ прибавленіемъ цѣлой дивизіи отрядъ приобреталъ уже значительную силу, съ которой можно было авчать дѣло. Нельзя было не пожалѣть только, что въ отрядѣ было мало кавалеріи, всего одинъ слабый казачій полкъ, между тѣмъ какъ предстояло дѣйствовать въ такой мѣстности, какъ долина Тунджи, гдѣ авч кавалеріи можно было извлечь громадную пользу. При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда дѣйствительно неоднократно ощущался крайній недостатокъ въ кавалеріи.

Прежде чѣмъ перейти къ началу движенія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о матеріальной и продовольственной части отряда. Такъ какъ части, предназначенныя для движенія, имѣли слишкомъ мало времени для приобрѣтенія вьючныхъ сѣделъ, то при всѣхъ усиліяхъ купить ихъ и при всемъ содѣйствіи гражданскаго управленія, комитавшаго себѣ сѣделъ съ жителей реквизиционнымъ способомъ, на полкъ не удалось приобрѣсти ихъ болѣе ста. Такимъ образомъ, взять значительныхъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ съ собою не представлялось никакой возможности, и полки выступили, имѣя при себѣ лишь шестидневный сухарный запасъ и по сту патроновъ на человека. Вотъ съ какими скромными и даже скудными средствами выступалъ отрядъ въ эту важную и трудную экспедицію. 30-я пѣхотная дивизія оказалась еще въ худшихъ условіяхъ, такъ какъ приказаніе выступить захватило ее совершенно врасплохъ, неподготовленною вовсе, и она тронулась въ путь, едва доставъ по тридцати вьючныхъ сѣделъ на полкъ и имѣя только трехдневный сухарный запасъ. Къ довершенію всего, дивизія эта была вовсе безъ полушубковъ.

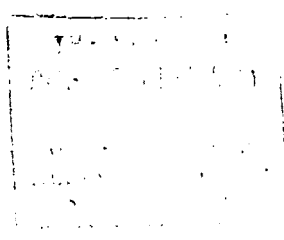
Наканунѣ предстоящаго движенія отданы были всѣ должныя приказанія. Порядокъ движенія назначенъ былъ слѣдующій: *авангардъ* въ составѣ 4-й стрѣлковой бригады, горной № 1-го батареи, роты саперовъ и двухъ казачьихъ сотенъ, подъ общимъ начальствомъ командира

ра
лу
сь
лю
ж
ья
дй
гь
ш-
т-
ь
гь
ь.
ь-
ь
и
р,
ю
т-
т-
т-
т-
д
-
и
-
т
-
а

(*) См. «Карту переходов Травненской колодези через Балканы.»

8
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120

О
 са

карачьмухъ сотанъ, подъ общимъ начальствомъ командира

бригады полковника Кроча, должны были выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Крестецъ (1), гдѣ, присоединивъ къ себѣ болгарскую дружину и казачью сотню и сдѣлавъ привалъ, продолжать движеніе чрезъ главный перевалъ, и достигнувъ д. Сельцы, впереди ее занять позицію и остаться на мочлегѣ. *Главныя силы* должны были начать движеніе вслѣдъ за авангардомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди казачья сотня, за нею 33-й пѣхотный Елецкій полкъ, затѣмъ 34-й пѣхотный Сѣвскій съ 4-ю батареею 14-й артиллерійской бригады и въ хвостѣ колонны 36-й пѣхотный Орловскій полкъ съ 1-ю батареею 9-й артиллерійской бригады и двѣ сотни казаковъ въ арьергардѣ. 30-я пѣхотная дивизія должна была прибыть въ Травну лишь 24-го числа, такъ что ей оставлено было приказаніе выступить 25-го утромъ и сдѣлать въ тотъ же день переходъ къ Сельцамъ на присоединеніе къ прочимъ силамъ.

Имѣя заранѣе свѣдѣніе, что дорога чрезъ перевалъ, затруднительная для движенія даже въ лѣтнее время, начиная отъ Крестца, въ описываемую пору являлась совершенно непроходимой, будучи завалена сугробами снѣга, было сдѣлано заблаговременно распоряженіе о томъ, чтобы собрать ко дню движенія побольше болгаръ съ лошадьми, которые должны были предшествовать отряду и расчищать ему дорогу при содѣйствіи и подъ надзоромъ саперной роты. Для усильшійшаго достиженія этой цѣли былъ присланъ маж. главной квартиры начальникъ канцеляріи завѣдующаго гражданскими дѣлами генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ, который принималъ самыя энергическія мѣры, чтобы собрать побольше мѣстныхъ жителей съ инструментомъ для предстоящей работы, и, дѣйствительно, въ ночь съ 23-го на 24-е числа до 2,000 болгаръ принялись за расчистку дороги. Можно было бы, конечно, принятыя за это дѣло и раньше, чтобы не задерживать движенія отряда, но благоразуміе требовало воздержаться отъ этого, дабы преждевременно не возбудить вниманія турокъ, хотя въслѣдствіи предосторожности эта оказалась излишнею, такъ какъ турки даже не охраняли этотъ проходъ, считая его недоступнымъ для движенія значительныхъ массъ въ такую пору года.

Всѣ тяжести и обозы частей, а также подвижной дивизионный лагерь были оставлены въ Травно.

Согласно отданной дивизиіи, войска утромъ 24-го числа двинулись въ походъ. Отъ Травны дорога уже начиналась постепеннымъ легкимъ подъемомъ; по эта часть пути до Крестца представляла сравнительно наименѣ затрудненій и требовала меньше расчистки, такъ какъ по ней поддерживалось сообщеніе болгарскою дружиною между Трав-

(1) См. карту перехода Травненской колонны черезъ Балканы.

ною и Крестецомъ. Приближаясь однако къ Крестцу, отстоящему от Травны верстахъ въ 18-ти, подъемъ все становился круче, такъ что послѣднія версты пять должны были представить для тяжестей большія затрудненія. Отъ Крестца начинался самый трудный путь. Послѣ небольшого спуска слѣдовалъ одинъ тяжелый подъемъ, за нимъ другой, еще круче, и наконецъ, послѣ волнообразнаго и довольно длиннаго участка дороги въ нѣсколько верстъ, начинался крутой и чрезвычайно длинный подъемъ на главный переваль. Поднявшись на главный переваль, дорога довольно пологимъ спускомъ слѣдовала нѣсколько верстъ и затѣмъ, перейдя вдругъ въ необычайно крутой и длинный спускъ, вступала въ ущелье, въ которомъ расположена д. Сельцы. Весь сказанный путь, засыпанный и лежавшій подъ снѣгомъ въ теченіе уже двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, представлялся въ ширину не болѣе шести футовъ со снѣгомъ, въ который нога погружалась по колѣно, не взирая на расчистку, и съ цѣлыми стѣнами такого же снѣга по сторонамъ, превышавшими во многихъ мѣстахъ человѣческой ростъ. Путь отъ Крестца до Сельцы составляетъ 20 слишкомъ верстъ.

Послѣ такого описанія пути представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы переходъ въ 40 верстъ, являющійся форсированнымъ при самыхъ легкихъ условіяхъ движенія, возможно было совершить въ одинъ день по такой адской дорогѣ. Однако фактъ неопровержимый, что этотъ переходъ былъ совершенъ. Карабкаясь по крутымъ подъемамъ, подсаживая друга друга, скатываясь по почти отвѣснымъ спускамъ, погружаясь въ снѣгъ по колѣно, скользя и падая несчетное число разъ, почти безъ отдыха и не имѣя другой пищи, кромѣ жесткаго сухаря, съѣдаемаго тутъ же на пути, нашъ герой-солдатъ подвигался впередъ и находилъ въ себѣ еще на столько добродушнаго юмора, чтобы подшучивать другъ надъ другомъ. Выступивъ, какъ я сказалъ, въ 4 часа утра, голова авангарда въ 8 часовъ вечера достигла д. Сельцы.

Начальникъ отряда, выѣхавъ изъ Травны въ 6 часовъ утра и слѣдуя при головномъ полку главныхъ силъ, подвигался безостановочно впередъ, сдѣлавъ лишь у Крестца получасовой отдыхъ.

Какъ ни тяжело было описываемое движеніе, но бодрый и молодецкій видъ солдатъ, неутомимо подвигающихся впередъ, вовсе безъ отсталыхъ, внушалъ увѣренность въ томъ, что тѣ части, которыя слѣдовали безъ артилеріи, пройдутъ назначенный переходъ. Серьезныя опасенія въ этомъ отношеніи внушали Сѣвскій и Орловскій полки, при которыхъ находилась артилерія и которые должны были не только сами преодолѣвать затрудненія, воздвигаемыя природою, но и тащить

съ собою приданныя имъ орудія. Дѣйствительно, пройдя главный перевалъ, начальникъ отряда получилъ изъ тыла донесеніе, что движеніе Сѣвскаго и Орловскаго полковъ крайне замедляется артилерією, и что, не взирая на всѣ усилія и помощь, оказываемыя людьми, движеніе артилеріи такъ затруднительно, что является невыслышимымъ ей достигнуть д. Сельцы не только въ этотъ день, но и на слѣдующій. 4-я батарея 14-й артилерійской бригады, слѣдовавшая при Сѣвскомъ полку, какъ четырехфунтовая, хотя съ большими затрудненіями, но добралась къ вечеру до Крестца; 1-я же батарея 9-й артилерійской бригады не могла въ этотъ день дотянуться даже до Крестца, встрѣтивъ при подъемѣ къ нему крайнія затрудненія. Принимая во вниманіе, что замедлять движеніе представлялось невозможнымъ, и что путь до Крестца былъ легчайшею частію предстоящаго впереди пути, рѣшено было отказать отъ девятифунтовой батареи вовсе, а попытаться перетащить хоть одну четырехфунтовую, и съ этою цѣлью послано было приказаніе: девятифунтовой батарее остановиться и очистить путь, а затѣмъ возвратиться въ Травну; Сѣвскому же полку слѣдовать безостановочно, а Орловскому принять на свое попеченіе 4-ю батарею и продолжать дальнѣйшее движеніе къ д. Сельцамъ.

Въ 9 часовъ вечера князь Мирскій со штабомъ прибылъ въ д. Сельцы. Послѣдній спускъ въ ущелье, въ которомъ расположена упомянутая деревня, представлялъ такія страшныя затрудненія, что ѣхать верхомъ было рѣшительно невозможно. Всѣ шли пѣшкомъ, причемъ скользить и падать приходилось на каждомъ шагу. Д. Сельцы представляла совершенныя развалины, съ одною только на половину уцѣлѣвшею избушкою. Деревня эта была сожжена и разрушена турками еще послѣ первой забалканской экспедиціи генерала Гурко, а жители ея, болгары, частью были перерѣзаны, частью спаслись бѣгствомъ, такъ что въ данную минуту въ ней не было ни одной души. Лежащая въ глубокомъ ущельѣ между огромными скалами, обвужающими ее со всѣхъ сторонъ, деревня отдѣляется отъ долины Тунджи еще однимъ громаднымъ переваломъ, котораго высота едва ли ниже главнаго перевала. Долина д. Сельцы очень узка; тотчасъ за деревнею начинается крутой и чрезвычайно трудный подъемъ на послѣдній перевалъ. Принимая во вниманіе эти мѣстныя условія, пришлось сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ первоначальной диспозиціи. Какъ выше было упомянуто, авангарду предписано было, пройдя Сельцы, занять позицію на высотѣ, но командиръ стрѣлковой бригады, по прибытіи въ деревню съ головными баталіонами авангарда къ вечеру, увидѣлъ невозможность точнаго выполненія диспозиціи по слѣдующей причинѣ: войска

были утоплены до крайности по прибытіи въ Сельцы; между тѣмъ, чтобы выдвинуть ихъ на позицію за деревню на высоту, приходилось заставлять ихъ подняться еще по невообразимо трудному и крутому подъему нѣсколько верстъ, и все это послѣ сдѣланнаго ими уже въ этотъ день сорокаверстнаго перехода. Съ другой стороны, во все время движенія авангарда до Сельцы, не обнаружено было ни малѣйшихъ признаковъ присутствія какого либо наблюденія со стороны турокъ, и, наконецъ, дальнѣйшій путь за Сельцами былъ покрытъ снѣгомъ, а бывшіе при отрядѣ рабочіе болгары еще не успѣли его разработать даже, такъ что движеніе представлялось фактически невозможнымъ. Вслѣдствіе этого, когда прибылъ начальникъ отряда, и начальникъ авангарда доносить объ изложенномъ, приказано было стрѣлковой бригадѣ расположиться на ночлегъ въ д. Сельцы, принявъ всѣ необходимыя мѣры для охраненія ночлежнаго расположенія и выдвинувъ казачьи разъѣзды, какъ по дорогѣ на Гузово, такъ и по другой, которая отдѣляется отъ Сельцы на д. Манглышъ (1). Прочимъ войскамъ, т. е. Елецкому, Сѣвскому и Орловскому полкамъ, предписано было остановиться на ночлегъ на высотѣ, съ которой начинается спускъ къ д. Сельцамъ. Первые два полка, т. е. Елецкій и Сѣвскій, прибыли на ночлегъ только пополудни, вслѣдствіе затруднительности движенія по единственной узкой дорогѣ; Орловскій же полкъ, которому поручено было двигаться съ батареей, не поднялся даже на главный перевалъ, такъ какъ подъемъ орудій представлялъ непреодолимые затрудненія.

Между тѣмъ, отъ корпуснаго командира полученъ былъ приказъ, въ которомъ общая атака Шипки, какъ со стороны нашего отряда, такъ и со стороны Иметли, назначалась на 27-е число. Слѣдовательно, необходимо было непремѣнно всему отряду въ полномъ составѣ 26-го числа спуститься къ д. Гузово съ тѣмъ, чтобы утромъ 27-го предпринять рѣшительное наступленіе на дд. Янину, Хаскюю и далѣе на Шипку. Въ этомъ же приказаніи генераль Радецкій предлагалъ направить одну бригаду 30-й пѣхотной дивизіи отъ д. Сельцы на д. Манглышъ съ тѣмъ, чтобы занять послѣднюю хотя бы съ боемъ и прикрыть этимъ занятіемъ со стороны Хаскюя дѣйствія главныхъ силъ, осерирующихъ на Гузово и Шипку.

Принимая во вниманіе, что отъ д. Сельцы до д. Горное-Гузово приходилось пройти лишь верстъ десять съ однимъ только подъемомъ и спускомъ, правда чрезвычайно крутыми и тяжелыми, и имѣя впередъ еще 25-е и 26-е числа, были сдѣланы слѣдующія распоряженія на

(1) Деревня у подошвы южнаго склона Балкановъ, западнѣе Гузова (См. прилагаемую при семъ карту перехода колонны.)

25-е число: всей стрѣлковой бригадѣ съ горною батареею и двумя назначенными сотнями выступить изъ д. Сельцы, подняться на послѣдній перевалъ и занять на высотѣ его позицію, оставаясь на ней же и на ночлежь. 33-му пѣхотному Еленскому полку спуститься въ Сельцамаъ и продолжать движеніе далѣе за 4-й стрѣлковой бригадой и расположиться бивакомъ, составляя резервъ послѣдней. 34-му Сѣвскому и 36-му Орловскому полкамъ приказано было спуститься въ д. Сельцы и расположиться на бивакѣ. Чтобы не задерживать движенія пѣхоты, Орловскому полку, на попеченіи котораго была, какъ упомянуто выше, 4-я батарея 14-й артиллерійской бригады, приказано было передать эту батарею слѣдующей сзади 30-й дивизіи, а самому продолжать безостановочно движеніе къ д. Сельцы. 30-й дивизіи, начевавшей въ ночь съ 24-го на 25-е число въ Травнѣ, послано было приказаніе слѣдовать въ Сельцамаъ и остановиться на ночлежь у послѣдняго спуска въ деревнѣ, гдѣ бивакировали Еленскій и Сѣвскій полки. Не желая до послѣдней возможности отказываться отъ артилеріи, командующему 30-й дивизіей предложено было, пропустивъ первые три полка дивизіи безостановочно впередъ, поручить четвертому полку все ту же четвертую батарею.

Всѣ выше упомянутыя распоряженія были въ точности исполнены. Рабочіе болгары еще до разсвѣта принялись за расчистку подъема, подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи саперовъ, и авангардъ въ 5 часовъ утра двинулся впередъ. Вскорѣ послѣ полудня отъ начальника авангарда, подполковника Крюка, получено было донесеніе, что отрядъ прибылъ и занялъ позицію, имѣя всю долину Тунджи передъ глазами, но что со стороны противника незамѣтно ни малѣйшихъ признаковъ движенія. На единственной дорогѣ, только что расчищенной, по которой слѣдовалъ авангардъ, не замѣчено было ни одного слѣда и ни одной живой души. Становилось очевиднымъ, что этотъ путь даже вовсе не наблюдался, что облегчало значительно задачу. Между тѣмъ, изъ арьергарда получено было донесеніе, что подъемъ артилеріи, на главный перевалъ, до такой степени труденъ, что, при самомъ энергичномъ содѣйствіи пѣхоты, не представляется возможнымъ перетащить батарею, равныя нѣсколькихъ дней. Становилось очевиднымъ, что надо отказаться и отъ этой батареи, такъ какъ она къ назначенному дню боя, 27-го числа, не могла быть приведена; откладывать же дѣло на-за нея нечего было и думать. Вслѣдствіе этого послано было приказаніе батареѣ вернуться обратно, а всѣмъ частямъ 30-й дивизіи продолжать движеніе къ мѣсту ночлега. Начальнику авангарда предписано было, зорко слѣдя за всѣмъ, что дѣлается впереди, оста-

регаться, однако, преждевременно возбудить вниманіе противника и не высылать далеко разъѣздовъ.

Къ ночи 25-го числа вся 30-я дивизія прибыла къ мѣсту назначенія, а начальникъ ея, генераль-маіоръ Шнитниковъ, пріѣхалъ въ Сельцы. Здѣсь онъ получилъ личныя инструкціи отъ князя Мирскаго: выступить утромъ 26-го числа съ бригадою черезъ Сельцы на Манглышъ, выбить турокъ, если они занимаютъ эту деревню и, занявъ ее, наблюдать и обезпечивать операціи главныхъ силъ со стороны Хаинкюя и Лени-Загры, для чего, послѣ занятія Манглыша, выслать въ означенныхъ направленіяхъ казачьи разъѣзды. Для послѣдней цѣли къ этому отряду придана была сотня изъ имѣющагося, единственнаго при всемъ отрядѣ, Донскаго № 23-го полка. Другая бригада той же дивизіи должна была слѣдовать въ арьергардѣ главныхъ силъ.

На 26-е число были сдѣланы слѣдующія распоряженія: авангарду оставаться на позиціи и ожидать прибытія начальника отряда. Покамъ Сѣвскому и Орловскому выступить въ 4 часа утра; вслѣдъ за ними безостановочно слѣдовать Ярославскому и Серпуховскому полкамъ 30-й дивизіи. Въ Сельцахъ же оставлена была 9-я дружина болгарскаго ополченія. Начать спускъ къ д. Гузово рѣшено было, когда вся пѣхота поднимется на вершину послѣдняго перевала, и сосредоточится, съ тѣмъ чтобы имѣть всѣ силы подъ руками, въ виду всякой случайности, и затѣмъ начать уже движеніе безостановочною лавою.

Къ 10-ти часамъ утра всѣ полки втянулись на высоту. Начальникъ отряда прибылъ къ авангарду еще раньше 8-ми часовъ. Зрѣлище передъ глазами открывалось единственное. Съ высоты перевала въ нѣсколько тысячъ футовъ вся долина Тунджи представлялась какъ на ладони. Казанлыкъ съ своими высокими минаретами, отстоящій по прямому направленію отъ мѣста наблюденія верстахъ по меньшей мѣрѣ въ пятнадцать, казался гораздо ближе, благодаря своему положенію въ долинѣ и необыкновенной ясности морознаго утра. Поднимавшееся на востокъ солнце ярко освѣщало долину, покрытую легкою снѣжною пеленою и замыкающуюся съ другой стороны цѣпью Малыхъ Балкановъ. На этомъ бѣломъ фонѣ выдѣлялись правѣе отъ насъ дд. Янина и далѣе Хаскюй, которыя должны были быть послѣ Гузова ближайшими предметомъ нашихъ операцій, такъ какъ черезъ нихъ идетъ путь отъ д. Гузова къ д. Шипкѣ. Шоссе отъ Казанлыка къ д. Шипкѣ было видно ясно. Д. Шипка изъ мѣста наблюденія не была видна, будучи скрыта отрогомъ Балкановъ. Также точно не были видны ближайшія къ намъ деревни Горнее и Дальнее-Гузово, скрытыя отъ взоровъ отдѣльной, впереди лежащей, высотой, которую дорога, спускаясь внизъ съ

перевала, обходить поворачивая вправо. При самомъ внимательномъ наблюденіи въ бинокли и зрительныя трубы не было замѣчено никакихъ признаковъ суеты или движенія, показывающаго, что наше появленіе обнаружено. Изрѣдка по дорогѣ изъ Казанлыка къ Шипкѣ двигалось нѣсколько подводъ и проѣхали медленно, шагомъ, нѣсколько всадниковъ.

Наконецъ, время движенія наступило. Въ началѣ одиннадцатаго, перекрестясь, тронулись казаки, а за ними рота саперовъ и одинъ за другимъ стрѣлковые баталіоны. Войскамъ приказано было не растягиваться и слѣдовать безостановочно. Вышеупомянутая высота, скрывающая отъ насъ обѣ деревни Гузово, благопріятствовала скрытности движенія. Съ другой стороны, конечно, и мы тоже были въ невѣдѣніи, что намъ предстоитъ встрѣтить въ этихъ деревняхъ, и на всякій случай были готовы ко всему. Командиру казачьяго полка, полковнику Бакланову, приказано было, спустившись и обогнувъ высоту, скрывающую деревню Горнее-Гузово, броситься внезапно, охватить деревню и тотчасъ донести, какое сопротивленіе будетъ встрѣчено. 16-й стрѣлковый баталіонъ, идущій въ головѣ авангарда, долженъ былъ тоже, обогнувъ гору, немедленно развернуться въ боевую линію и атаковать деревню, а прочіе баталіоны должны были его поддерживать. Казаки лихо выполнили свое дѣло. Обойдя гору, они на рысяхъ понеслись въ деревнѣ. Появленіе ихъ, очевидно, обрушилось на жителей, какъ громъ. Они были до того далеки отъ неожиданныхъ гостей, что нѣсколько крестьянъ-турокъ были застигнуты врасплохъ отправлявшимися въ повозкахъ, видимо по поводу разныхъ домашнихъ работъ. Тревога однако мигомъ распространилась по всей деревнѣ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ со стороны небольшой партіи баши-бузукъ, занимавшихъ, вѣроятно, постъ. Двѣ сотни казаковъ тотчасъ сбѣжали и бросились въ деревню, которую немедленно и заняли. Баши-бузуки и большая часть мужскаго населенія обратились въ бѣгство. Выстрѣлами турокъ были ранены два казака. Деревня Горнее-Гузово была тотчасъ занята ротою саперовъ, которой поручено было не допускать никакихъ беспорядковъ, особенно не впускать въ деревню болгаръ, которые, исполнивъ свое дѣло расчистки дороги, не прочь были теперь поживиться на счетъ турокъ. Все женское населеніе деревни и часть не успѣвшихъ бѣжать пожилыхъ турокъ бросились въ мечеть и заперлись въ ней. Къ нимъ послали сказать черезъ переводчика, что они могутъ быть покойны, что ихъ никто не тронетъ, и они разошлись, немного успокоившись, по домамъ. Проѣзжая по деревнѣ, можно

было видѣть всѣ признаки того, что немцы появленіе вовсе не ожидали.

Между тѣмъ, къ спѣшнымъ двумъ казачьимъ сотнямъ приближались еще третья сотня, и отрядомъ этотъ выдвинулся впередъ по параллели дд. Среднее и Дольнее-Гузово и занялъ позицію, ожидая встрѣтить огнемъ значительныя массы турецкой кавалеріи, спѣшившей на защиту деревень. На подкрѣпленіе казакамъ тотчасъ была выслана рота головнаго 16-го стрѣлковаго баталіона и два горныхъ орудія. Мѣткій огонь стрѣльцовъ и горной артиллеріи тотчасъ остановилъ наступленіе турецкой конницы, угрожавшей казакамъ атакою, и принудилъ ее къ немедленному отступленію. Казаки тотчасъ сѣли на коней и бросились преслѣдовать, пока кавалерія противника не скрылась за д. Янину. Слѣдовавшій за головнымъ баталіономъ 15-й стрѣлковый баталіонъ былъ выдвинутъ вправо и немедленно занялъ д. Дольнее-Гузово, которая оказалась совершенно очищеною даже отъ жителей, успѣвшихъ бѣжать, лишь только послышались выстрѣлы.

По занятіи обѣихъ упомянутыхъ деревень, войскамъ приказано было остановиться и ожидать, чтобы всѣ силы подтянулись. Тотчасъ нужно было озаботиться выборомъ позиціи и расположеніемъ на ней войскъ. Въ этомъ затрудненій не могло быть, такъ какъ позиція указывалась самою мѣстностью. Деревня Гузово лежитъ у подножья Балкановъ, на послѣдней возвышенной терасѣ, спускающейся довольно отлого въ долину. Къ востоку тераса эта возвышеннѣе и круче, почему и деревня, на ней лежащая, носитъ наименованіе Горняго-Гузова, а къ западу она спускается отлого къ д. Янинѣ. По гребню этой терасы избрана была позиція фронтомъ къ Казанлыку и, загибая вправо подъ угломъ, фронтомъ къ Янинѣ. Правый флангъ и центръ позиціи по обѣ стороны дд. Среднее и Дольнее-Гузово занимала стрѣлковая бригада съ горною батареею и Елецкій полкъ, а лѣвый флангъ, до д. Горнее-Гузово включительно, — Сѣвскій полкъ. Бригада 30-й дивизіи составляла обійій резервъ праваго фланга и центра позиціи, а Орловскій полкъ — лѣваго фланга. Всѣхъ подходящимъ войскамъ были тотчасъ указываемы мѣста, которыя они должны были занять. Къ 5-ти часамъ всѣ части прибыли и расположились на позиціи, гдѣ должны были бивакировать. Отъ лѣваго фланга позиціи направлены были казачьи разъѣзды къ сторонѣ д. Мангыла, съ цѣлью войти въ связь съ бригадою 30-й дивизіи, которая должна была занять эту деревню.

Около 4-хъ часовъ пополудни, въ нѣсколькихъ верстахъ лѣвѣе д. Горнее-Гузово, замѣчены были спускающіяся съ высотъ пѣхотныя

колонны. Это была бригада 30-й пѣхотной дивизіи, подъ личною командою генерала Шнитникова. Вскорѣ съ той стороны раздалась жаркая перестрѣлка, которая продолжалась не болѣе получаса, и затѣмъ утихла, а часовъ въ 7 вечера получено было донесеніе, что д. Манглышъ взята съ боя, и три турецкихъ табора, занимавшіе укрѣпленную позицію у деревни, выбиты штурмомъ. Такимъ образомъ нашъ флангъ оказался обезпеченнымъ.

Безъ сомнѣнія, вѣсть о появленіи нашихъ войскъ быстро распространилась въ долину Казанлыка. Начиная съ полудня, тотчасъ послѣ появленія нашихъ передовыхъ частей и занятія деревень Гузово, вся долина запестрѣла черными, движущимися точками. Изъ деревень Янины и Хаскіоя всѣ жители, поспѣшно навьючивъ необходимѣйшими вещами ослонь и лошадей, уходили къ Казанлыку, оставляя свои пепелища. Позже замѣтно было, какъ и изъ Казанлыка цѣлые обозы, очевидно съ имуществомъ жителей, начали направляться къ Малымъ Балканамъ, по дорогѣ въ Эски-Загру. Два-три отряда кавалеріи, въ нѣсколько сотъ всадниковъ, выѣхавъ изъ Казанлыка, направились по шоссе къ деревнѣ Шипкѣ. Для прикрытія Казанлыка выдвинута была изъ города пѣхота, въ числѣ около четырехъ таборовъ, и заняла курганы, расположенные къ сѣверу отъ города. Кромѣ того, мѣстами впереди пѣхоты замѣтны были небольшія группы кавалеріи въ видѣ аванпостовъ. Очевидно было, что городъ занять пѣхотой, численность которой опредѣлить было трудно. Обстоятельство это надо было принять во вниманіе въ виду предстоящаго движенія на 27-е число, такъ какъ при этомъ движеніи мы представляли нашъ лѣвый флангъ къ сторонѣ Казанлыка.

Во время движенія нашего отряда чрезъ переваль, отъ генерала Радецкаго присылалось раза два подтвержденіе, по возможности не замедлять движенія, чтобы непременно вступить въ бой 27-го числа, такъ какъ въ этотъ день назначалась общая атака деревни Шипки обоими отрядами, восточнымъ и западнымъ. Опасеніе относительно нашего отряда возникало особенно потому, что путь былъ очень труденъ и длиненъ,—отъ Травны до Гузова, какъ я уже упоминалъ, 50 верстъ, и отрядъ былъ не малъ, что также замедляло движеніе; но сознаніе крайней важности предпріятія и безусловной необходимости во чтобы ни стало къ назначенному дню быть въ полной готовности къ бою все преодолѣло, и къ вечеру 26-го числа весь отрядъ до послѣдняго чловѣка былъ на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи предстоящаго рѣшительнаго дня.

Цельзя не прибавить къ этому, что еще одно обстоятельство побуждало къ пунктуальной точности предписаній корпуснаго командира.

Онъ руководилъ дѣйствіями обоихъ отрядовъ, не имѣющихъ между собою рѣшительно никакихъ сообщеній, и являлся такимъ образомъ единственнымъ связующимъ звеномъ между ними до тѣхъ поръ, пока имъ не представится возможность уже въ долинѣ Тунджи подать другъ другу руку. Между тѣмъ всякій шагъ впередъ удалялъ насъ отъ корпуснаго командира, находившагося на высотахъ Шипкинскаго перевала, и замедлялъ сообщеніе съ нимъ. Сообщеніе же это было слѣдующее: отъ Габрова до Травны и далѣе до Крестца былъ устроенъ военно-походный телеграфъ; отъ Крестца и далѣе чрезъ перевалъ и Сельцы къ Гузову была учреждена летучая казачья почта. Такимъ образомъ, около 35-ти верстъ отъ Крестца до Гузова, а потомъ, когда мы двинулись въ Шипкъ, и болѣе, приходилось сообщаться черезъ посредство конной почты. Конечно, за неимѣніемъ лучшаго способа, и этотъ хорошъ, но нельзя не сознаться, что разъ изобрѣтенъ телеграфный способъ сообщенія и примѣненъ къ военнымъ цѣлямъ, то въ предпріятіяхъ, особенно такихъ важныхъ, какъ описываемое, походный телеграфъ долженъ слѣдовать и устраиваться по пятамъ войскъ, такъ какъ всякому военному человѣку извѣстно, если не изъ личного опыта, то изъ военной исторіи, что иногда то или другое извѣстіе или сообщеніе, пришедшее не во время, или запоздалое нѣсколькими минутами, можетъ повлечь за собою неисчислимыя, а иногда и непоправимыя послѣдствія.

Расположивъ отрядъ на позиціи, какъ выше было упомянуто, и принявъ всѣ мѣры къ охраненію его расположенія, такъ какъ войска должны были ночевать на этихъ же позиціяхъ, начальникъ отряда со штабомъ расположился въ д. Дольнее-Гузово. Скрываться больше было уже нечего и бесполезно, такъ какъ не было сомнѣнія, что наше появленіе въ долинѣ Тунджи въ значительныхъ силахъ замѣчено турками, а потому съ наступленіемъ вечера войскамъ разрѣшено было развести огни для варки пищи.

Имѣя приказаніе отъ генерала Радецкаго по возможности согласовать начало дѣйствій нашего отряда въ наступающій день 27-го числа съ дѣйствіями отряда генерала Скобелева, рѣшено было къ утру быть въ полной готовности къ наступленію и начать немедленно таковое, лишь только обнаружатся признаки начала дѣла со стороны Иметли. Было бы, конечно, всего лучше, если бы представилась возможность войти въ непосредственную связь съ иметлійскимъ отрядомъ въ теченіе ночи и условиться на счетъ времени и вообще совокупности дѣйствій; но это представлялось совершенно невозможнымъ, такъ какъ разстояніе между обоими отрядами составляло верстъ до 20-ти и было занято противникомъ въ силахъ, хотя неизвѣстныхъ, но во всякомъ случаѣ

значительныхъ. Предположивъ даже, что нашлись бы отчаянные голы, которыя рискнули бы, пользуясь темнотою ночи, пробраться сквозь все расположеніе противника по долиняѣ къ д. Иметли, и что имъ удалось бы избѣгнуть турецкой кавалеріи, не заблудиться ночью на незнакомой совершенно мѣстности и попасть дѣйствительно въ Иметли, т. е. совершить почти невозможное, оставалась бездѣлица, — сдѣлать второй разъ то же самое, т. е. обратный путь, при тѣхъ же невыгодныхъ условіяхъ. Очевидно, что рисковать жизнью людей, при такой микроскопической вѣроятности на успѣхъ, было безразсуднымъ. Приходилось дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Въ виду предстоящаго въ слѣдующій день движенія къ д. Шипкѣ, приходилось начинать наступленіе, выдвигая боевую линію лѣвымъ флангомъ впередъ. При такомъ положеніи правый флангъ представлялся обезпеченнымъ, примыкая непосредственно къ крутымъ скатамъ Балкановъ, но за то лѣвый флангъ оказывался совершенно открытымъ и обращеннымъ къ сторонѣ Казанлыка, занятаго, какъ видно было 26-го числа, нѣсколькими турецкими таборами. Тотчасъ недостатокъ кавалеріи въ отрядѣ оказался ощутительнымъ. Совершенно открытая мѣстность долины Тунджи давала возможность употребить въ данномъ случаѣ кавалерію съ полною выгодною. Выдвинувъ бригаду кавалеріи къ сторонѣ Казанлыка, можно было бы не только прикрыть и обезпечить флангъ, но и заставить противника показать, какія силы онъ тамъ имѣеть; за неимѣніемъ же кавалеріи необходимо было принять другія мѣры для обезпеченія лѣваго фланга, почему начальникъ отряда предложилъ генералу Шнитникову, занявшему 26-го числа Манглышъ, съ утра 27-го числа, когда главныя силы начнутъ наступленіе на Янину и Хаскію къ Шипкѣ, въ свою очередь, оставивъ въ Манглышѣ одинъ баталіонъ, съ остальными пятью баталіонами сдѣлать демонстрацію наступленія на Казанлыкъ, съ цѣлью отвлеченія находящихся тамъ турецкихъ войскъ отъ дѣйствія противъ нашего лѣваго фланга.

Наступила ночь съ 26-го на 27-е число. Суeta и шумъ bivачныхъ огней, оживленный говоръ и движеніе начали мало по малу утихать, и утомленные труднымъ переходомъ и подавленные физическою усталостью солдаты и офицеры предались отдохновенію, чтобы собраться съ новыми силами для предстоящаго дня. И нужны были эти силы, какъ физическія, такъ особенно нравственныя, ибо день предстоялъ не шуточный, день такой, въ который необходимо было полное напряженіе всѣхъ душевныхъ струнъ. Многимъ изъ тѣхъ, которые въ эту ночь предавались физическому, временному успокоенію, предстояло чрезъ нѣсколько часовъ успокоиться сномъ вѣчнымъ.

Наступило утро 27-го числа. Уже съ разсвѣта всѣ были на ногахъ, въ полной готовности къ бою. Восходящее солнце освѣтило долину Тунджи и снѣжныя вершины окружающихъ горъ. Легкій морозъ дѣйствовалъ освѣжающимъ образомъ. Небо было безоблачное, и день обѣщалъ быть отличнымъ. Войска имѣли бодрый и самоувѣренный видъ. Обстановка была торжественная. Было полное затишье предъ наступающею грозой. Ни одинъ выстрѣлъ не нарушалъ кажущейся мирной картины. Между нами и Казанлыкомъ вся долина была совершенно безлюдна; только за Казанлыкомъ, по дорогѣ въ Эски-Загру чрезъ Малые Баганы, видѣлись группы повозокъ и вьючныхъ животныхъ, нагруженныхъ разнымъ скарбомъ покинувшихъ Казанлыкъ жителей. По направлению къ Яницѣ и Хаскию видѣлись аванпосты непріятельской кавалеріи, а за ними въ нѣсколькихъ мѣстахъ показывались и исчезали сомкнутыя кавалерійскія части въ нѣсколько эскадроновъ, видимо избирающія болѣе выгодныя мѣста для расположенія. Очевидно было, что у противника кавалеріи гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, и что въ этомъ отношеніи мы тягаться съ нимъ не можемъ. Мы готовились; но ясно было, что и они приняли всѣ должныя мѣры для встрѣчи. Еще наканунѣ, какъ я уже упомянулъ, въ Казанлыкѣ видно было нѣсколько таборовъ пѣхоты; утромъ же 27-го Казанлыкъ казался совершенно пустымъ. Надо было полагать, что, рѣшивъ принять бой у Шипки, турки притянули ночью всю пѣхоту изъ Казанлыка, справедливо сообразивъ, что участь боя должна здѣсь рѣшиться.

Прежде чѣмъ начать наступленіе, начальникъ отряда рѣшилъ нѣсколько выждать, не обнаружатся ли признаки наступленія со стороны иметлійскаго отряда. Дѣйствительно, въ девятомъ часу утра, посреди полной тишины, съ той стороны, гдѣ долженъ былъ дебушировать изъ горъ отрядъ генерала Скобелева 2-го, раздавалась сначала довольно слабая ружейная пальба, но вскорѣ она начала становиться оживленнѣе и перешла, наконецъ, въ пальбу залпами. Казалось даже, что она приближается. Легко было различить, что эта пальба раздается не на перевалѣ у генерала Радецкаго, а внизу, у подошвы Балкановъ. Въ это же время началъ изрѣдка доноситься гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, очевидно большаго калибра. Эти выстрѣлы раздавались съ высоты. Началась обыденная перестрѣлка на шипкинскихъ высотахъ. Наступила и наша пора. Тотчасъ отданы были приказанія первой линіи начать наступленіе къ Яницѣ.

Порядокъ наступленія былъ слѣдующій: въ боевой линіи 4-я стрѣлковая бригада, — 13-й баталіонъ на правомъ, а 14-й на лѣвомъ флангѣ; въ центрѣ 15-й и 16-й баталіоны и горная батарея; въ непосред-

ственномъ частномъ резервѣ за стрѣлковой бригадой 33-й пѣхотный Елецкій полкъ. Въ общемъ резервѣ 34-й Сѣвскій, 36-й Орловскій и 117-й Ярославскій полки. 120-й Серпуховскій полкъ оставленъ былъ у д. Гузово для прикрытія пункта нашего дебушированія въ долину и въючнаго обоза. Первая линія развернулась въ полный боевой порядокъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ и двинулась съ цѣпью стрѣлковъ впередъ. Елецкій полкъ и полки общаго резерва шли въ баталіонныхъ колоннахъ. Казаки назначены были для охраненія лѣваго фланга наступающаго отряда. 120-й пѣхотный Серпуховскій полкъ остался на мѣстѣ, какъ выше было упомянуто, пока обстоятельства не выяснятся. Наступленіе отряда началось въ 9 часовъ утра.

Испытанные баталіоны 4-й стрѣлковой бригады безостановочно двинулись впередъ. Сперва д. Янина, а за нею и Хаскіой были послѣдовательно заняты. Находившіеся въ нихъ отъ двухъ до трехъ таборовъ пѣхоты оказали слабое сопротивленіе и отступили подъ прикрытіемъ стрѣлковаго огня. Кавалерія турецкая тоже, по мѣрѣ приближенія нашей пѣхоты, отстрѣливалась, безостановочно отступала. Очевидно турки сосредоточили всю оборону передъ д. Шипкой. Не останавливаясь въ упомянутыхъ деревняхъ, вся боевая линія продолжала наступленіе. Миновавъ деревню Хаскіой, войска вышли на совершенно открытую мѣстность и примкнули къ шоссе, ведущему изъ Казанлыка къ д. Шипкѣ. Позиція турокъ обнаружилась вдали. По нашимъ войскамъ тотчасъ былъ открытъ артиллерійскій и ружейный огонь. Для обезпеченія лѣваго фланга наступающихъ силъ со стороны Казанлыка, кромѣ трехъ сотенъ казаковъ, высланныхъ на крайній лѣвый флангъ, отправленъ былъ одинъ баталіонъ Ярославскаго полка изъ общаго резерва къ южной опушкѣ д. Хаскіой. Хотя съ утра этого дня у Казанлыка не замѣчено было никакихъ силъ противника, но эта предосторожность признана не лишнею, пока Казанлыкъ былъ не въ нашихъ рукахъ.

Около 11-ти часовъ утра огонь турокъ началъ болѣе и болѣе усиливаться, и оживленный бой закипѣлъ по всей линіи. Между тѣмъ, слышанные съ утра ружейные выстрѣлы со стороны Иметли, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, начали мало по малу утихать и прекратились, когда мы совершенно втянулись въ дѣло. Останавливаться было поздно, и хотя прекращеніе дѣла съ той стороны поставило насъ въ недоумѣніе, но бой началъ развиваться.

Позиція турокъ, обращенная къ нашей сторонѣ, тянулась на протяжении отъ двухъ съ половиною до трехъ верстъ, опираясь лѣвымъ флангомъ на д. Шипку, а правымъ на рошу, и состояла изъ двухъ

линій. Первую линію составлялъ рядъ совершенно отдѣльныхъ горокъ, формы усѣченнаго конуса, укрѣпленныхъ спиральной траншеей, идущей отъ низу до верхней площадки и дающей оборону со всѣхъ сторонъ (1). Двѣ такія горки на правомъ и лѣвомъ флангѣ позиціи турокъ были вооружены артилеріею. Судя по правильной формѣ этихъ отдѣльныхъ возвышенностей, надо полагать, что онѣ искусственно насыпаны, но несомнѣнно, что насыпка ихъ произведена въ отдаленныя времена давно минувшихъ войнъ, такъ какъ по совершенно слежавшемуся грунту и покрывающей ихъ растительности видно, что онѣ существуютъ давно. Вторая линія состояла изъ нѣсколькихъ сомкнутыхъ земляныхъ укрѣпленій сильной профили, вооруженныхъ артилеріей и обстрѣливающихъ перекрестнымъ огнемъ какъ взаимно другъ друга, такъ и впереди лежація укрѣпленія первой линіи и промежутки между ними. Кромѣ того, смежныя укрѣпленія связывались между собою рядами ложементовъ, дающихъ сильную фронтальную ружейную оборону. Независимо отъ этого, позади обѣихъ линій находился огромный курганъ близъ д. Шипки, командующій всею впереди лежащею мѣстностью, составлявшій, такъ сказать, главный редюитъ, за которымъ группировались всѣ резервы. Всѣ укрѣпленія и ложементы были заняты войсками, и очевидно было, что придется употребить не мало усилій, имѣя противъ себя многочисленнаго противника, занимающаго притомъ такую крѣпкую позицію.

4-я стрѣлковая бригада, составлявшая боевую линію и непосредственно поддерживаемая 33-мъ Елецкимъ полкомъ, по выходѣ изъ д. Хаской на открытую мѣстность, не останавливаясь двинулась прямо въ атаку на первую линію непріятельскихъ укрѣпленій. Хотя обыкновенно теорія военнаго искусства требуетъ предварительной подготовки атаки ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, но въ данномъ случаѣ обстоятельства вынуждали поступить иначе и прямо атаковать безъ подготовки. Я уже упомянулъ, что впереди лежащая мѣстность на протяженіи верстъ трехъ до самыхъ непріятельскихъ верховъ представляла совершенно открытое поле, не дающее никакихъ закрытій; въ тому же мы имѣли только одну горную батарею, которая, конечно, не могла состязаться успѣшно съ дальнобойною артилеріею противника. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ, имѣя въ то же время противника, дѣйствующаго изъ-за закрытій, состязаніе огнемъ представляло очевидныя для насъ невыгоды. Поражаемая на совершенно открытой мѣстности, войска наши, стоя на мѣстѣ, только несли бы сильныя потери, нанося относительно слабый вредъ противнику, и въ мо-

(1) См. прилагаемую при семъ карту дѣйствій Травневской колонны.

менту атаки были бы ослаблены и разстроены, а потому признано было наиболее соответственным безостановочно вести ихъ въ атаку и овладѣть первою линіею укрѣпленій, чтобы имѣть возможность подъ ея закрытіемъ подготовить дальнѣйшія дѣйствія. Для нанесенія этого перваго удара противнику лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Лихая 4-я стрѣлковая бригада, уже окрещенная огнемъ во время перваго забалканскаго похода генерала Гурко и окуренная порохомъ на высотахъ Шипки, въ блестящемъ порядкѣ, безъ выстрѣла, двигалась впередъ, буквально осыпаемая градомъ пуль и гранатъ. Люди падали, ряды рѣдѣли, но смыкались вновь и неудержимо стремились впередъ. Горная № 1-го батарея, подѣхала, не ввирая на страшный огонь противника, на дистанцію шаговъ отъ 800 до 1.000 къ правому кургану, вооруженному артилеріею, и открыла сосредоточенный и мѣткій огонь. Въ то время, когда наша боевая линія приблизилась на разстояніе шаговъ около 200 къ первой оборонительной линіи турокъ, удачнымъ выстрѣломъ горной артилеріи былъ взорванъ непріятельскій зарядный ящикъ, что произвело въ рядахъ турокъ большую суматоху. Стрѣлковая бригада воспользовалась этимъ замѣшательствомъ и съ крикомъ «ура» бросилась бѣгомъ въ штыки на непріятельскія укрѣпленія. Турки дрогнули. Черезъ нѣсколько минутъ курганъ съ артилеріею противника былъ взятъ штурмомъ, и всѣ его защитники были перебиты, за исключеніемъ человекъ 70, большую часть израненныхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Турки защищались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и упорствомъ, такъ что весь курганъ былъ буквально покрытъ тѣлами. Такъ же успѣшно былъ выбитъ непріятель изъ прочихъ укрѣпленій, и вся первая его линія обороны съ промежуточными ложементами очутилась въ нашихъ рукахъ. По отступавшимъ въ большомъ разстройствѣ изъ отнятыхъ укрѣпленій войскамъ противника открытъ былъ сильный ружейный огонь. Въ то же время наша горная батарея, подъ начальствомъ полковника Гладкова, заняла позицію на взятомъ у турокъ курганѣ и, открывъ огонь противъ второй линіи укрѣпленій, повернула отнятыя у турокъ два орудія противъ нихъ же и начала приспособлять ихъ къ дѣлу. Третье орудіе оказалось подбитымъ и негоднымъ къ дѣйствию.

Въ это время Елецкому полку, подъ начальствомъ полковника Громана, предписано было вступить въ боевую линію на усиленіе стрѣлковой бригады. Общее начальство надъ боевою линіею поручено было командиру 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи генераль-маіору Домбровскому.

Такъ какъ противъ праваго фланга нашего расположенія непріятель

группировался въ большихъ силахъ, то два баталіона Елецкаго полка были направлены на усиленіе праваго фланга, занимаемаго 13-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, а одинъ баталіонъ на усиленіе центра.

Жесточайшій огонь кипѣлъ по всей линіи. Изъ всѣхъ турецкихъ земляныхъ верковъ и ложементовъ, на всемъ протяженіи фронта изъ позиціи, неслись массы свинца. Противниковъ раздѣляло разстояніе отъ 800 до 1,000 шаговъ. Общій резервъ, состоявшій изъ Сѣвскаго, Орловскаго и Ярославскаго полковъ, расположенъ былъ позади на шишкинско-казанлыкскомъ шоссе впереди д. Хаской и въ разстояніи версты съ небольшимъ отъ боевой линіи. Въ послѣдней было въ это время семь баталіоновъ. Начальникъ отряда находился близъ общаго резерва на одной изъ горокъ, откуда наблюдалъ за ходомъ дѣла.

Послѣ непродолжительной ружейной перестрѣлки, часовъ около двухъ пополудни, вся боевая линія была двинута въ атаку на вторую линію неприятельскихъ укрѣпленій. Огонь турокъ достигъ наибольшаго напряженія. Осыпаемая адскимъ фронтальнымъ и перекрестнымъ огнемъ изъ всѣхъ укрѣпленій и ложементовъ и сильно разстроенная предъидущей атакой, войска не въ состояніи были продолжать наступленіе и, ограничившись занятіемъ ложементовъ, отнятыхъ у противника, открыли огонь по его расположенію. Было очевидно, что боевая линія слишкомъ слаба для дальнѣйшаго наступленія. Между тѣмъ, расходовать резервы приходилось крайне осмотрительно, такъ какъ противникъ оказывался силенъ, а отсутствіе метелійскаго отряда и полная неизвѣстность, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, заставляли соблюдать осторожность и не расходовать неравсчитливо силъ, такъ какъ не атакованные съ другой стороны, турки могли всѣ свои силы направить на насъ.

Наступилъ нѣкоторый промежутокъ. Обѣ стороны какъ бы собирались съ новыми силами. Ружейный и артилерійскій огонь хотя продолжался, но нѣсколько слабѣе. Замѣтивъ, что наша боевая линія недостаточно сильна для наступленія, турки рѣшились сами сдѣлать попытку отнять прибрѣтенное нами и начали видимо готовиться къ атакѣ, усиливая свой лѣвый флангъ и центръ. Мало по малу ихъ огонь началъ усиливаться. Массы пѣхоты, собравшіяся и устроившіяся за укрѣпленіями, выдвинулись изъ-за нихъ и, предшествуемая стрѣлками, направились въ атаку на наши линіи. Явилась необходимость усилить нашу боевую линію войсками изъ резерва, для чего направленъ былъ 34-й пѣхотный Сѣвскій полкъ. Какъ на ученьѣ, командиръ полка полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Жиржинскій, выдвинувъ головы баталіоновъ на линію, повелъ полкъ впередъ. Между тѣмъ турки яростно наступали, не взирая на убійствен-

ный огонь. Нашъ правый флангъ поколебался и сталъ отступать, за нимъ центръ и лѣвый флангъ начали также подаваться назадъ. Вступившій въ боевую линію Сѣвскій полкъ не могъ возстановить дѣла и вмѣстѣ съ другими началъ подаваться назадъ. Минута была критическая. Необходимо было, во что бы то ни стало, возстановить дѣло, и изъ резерва направленъ былъ 36-й пѣхотный Орловскій полкъ. Храбрые орловцы дружно двинулись впередъ, вступили въ боевую линію и своимъ примѣромъ увлекли прочія отступающія части. Поданъ былъ общій сигналъ къ наступленію. Шансы перешли на нашу сторону. Остановленные прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій къ нашей боевой линіи и общимъ переходомъ въ наступленіе, турки поколебались и начали въ безпорядкѣ отступать за свои закрытія, подъ защитою убійственного перекрестнаго ружейнаго и артилерійскаго огня изъ фланговыхъ верковъ. Огонь этотъ, производившій въ нашихъ рядахъ страшныя опустошенія, принудилъ войска остановиться. Хотя въ описываемую минуту у насъ въ боевой линіи находилось уже 13 баталіоновъ, но силы противника были такъ велики и укрѣпленія такъ сильны, а къ тому же наши войска были на столько утомлены и понесли такіа большія потери, что пришлось на этотъ день отказаться отъ дальнѣйшихъ атакъ и ограничиться удержаніемъ тѣхъ позицій, которыя были уже заняты. Турки, повидимому, тоже рѣшились ограничиться только обороной. Артилерійскій и ружейный огонь поддерживался по всей линіи, но становился слабѣе, и къ сумеркамъ, по мѣрѣ наступленія темноты, началъ мало по малу утихать.

При самомъ началѣ наступленія турокъ былъ раненъ пулею на вылетѣ въ ногу командиръ Елецкаго полка полковникъ Громанъ. Вскорѣ послѣ него былъ раненъ пулею въ плечо на вылетѣ начальникъ боевой линіи генераль-маіоръ Домбровскій и контуженъ пулею въ високъ командиръ Сѣвскаго полка полковникъ Жиржинскій. Генераль Домбровскій оставался нѣкоторое время въ строю, не смотря на рану, и только обезсиленный, наконецъ, потерею крови, принужденъ былъ удалиться на перевязочный пунктъ. Командиръ же Сѣвскаго полка остался въ строю. Общее начальство надъ войсками боевой линіи поручено было княземъ Святополкъ-Мирскимъ полковнику Кроку.

Наступилъ вечеръ. Огонь прекратился по всей линіи. Лишь изрѣдка отдѣльные ружейные выстрѣлы раздавались въ разныхъ мѣстахъ позицій. На крайнемъ правомъ флангѣ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ центра и лѣваго фланга, наши охотники подобрались очень близко къ турецкимъ укрѣпленіямъ и залегли за мѣстныя закрытія, за землянку, покинутую турками, или, засѣвши въ ровъ, по-

целкивали отъ времени до времени изъ ружья. Во время послѣдней контръ-атаки, нѣкоторыя наши части, совершенно перемѣшавшіяся другъ съ другомъ, засѣли въ ложементяхъ, выстроенныхъ въ промежуткахъ между нашею и турецкою боевою линіею, и остались въ нихъ, такъ что расположеніе нашей линіи представляло неправильное очертаніе, выдающееся уступами впередъ и сближающееся съ линіею турецкаго расположенія мѣстами саженъ до ста (1). Всѣмъ войскамъ боевой линіи было приказано бивакировать на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила наступившая темнота. Командиру 5-го сапернаго баталіона полковнику Свищевскому поручено было укрѣпить въ теченіе ночи занимаемую нашими войсками позицію съ помощью роты саперовъ и нижнихъ чиновъ, находящихся на позиціи. Три взвода саперовъ были распределены на правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ позиціи для возведенія укрѣпленій, а 4-му взводу поручено было устройство земляной насыпи для горной батареи и для двухъ отнятыхъ у турокъ орудій. Тотчасъ энергически было приступлено къ работѣ, и, не взирая на огонь турокъ, которые продолжали всю ночь стрѣлять по работающимъ, пуская выстрѣлы на стукъ рабочихъ инструментовъ, къ разсвѣту всѣ работы были окончены.

Начальникъ отряда послѣ окончанія боя и наступленія темноты вернулся съ штабомъ въ д. Янину, гдѣ находился перевязочный пунктъ отряда.

Около 7-ми часовъ вечера, отъ генерала Шнитникова, командующаго 30-ю дивизіею, получено было донесеніе, что, двинувшись съ бригадою изъ д. Манглышъ, согласно отданному наканунѣ распоряженію, на г. Казанлыкъ, причемъ имъ въ дер. Манглышъ оставленъ былъ одинъ баталіонъ, онъ, подойдя къ Казанлыку, нашелъ его не занятымъ войсками противника и расположился въ немъ. Казанлыкъ былъ покинутъ жителями, бѣжавшими на Эски-Загру, и въ немъ осталось только до тысячи человекъ раненыхъ и больныхъ турокъ въ госпиталяхъ. По донесенію генерала Шнитникова, въ городѣ оказались большіе запасы галетъ, зерноваго фуража и другихъ продуктовъ.

Занятіе Казанлыка было фактомъ утѣшительнымъ, такъ какъ нашъ флангъ и тылъ являлись обезпеченными. Большіе запасы продовольствія, найденные тамъ, тоже были весьма кстати, хотя ими воспользоваться для войскъ въ эту ночь было почти невозможно, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ. Генералу Шнитникову послано было распоряженіе собрать какія только найдутся перевозочныя сред-

(1) См. приложенную при семъ карту дѣйствій Траверненской колонны.

ства въ Казанлыкѣ, нагрузить ихъ галетами и отправить немедленно въ д. Гузово, такъ какъ положеніе отряда въ продовольственномъ отношеніи было весьма незавидное. Долго ли будетъ въ нашихъ рукахъ Казанлыкъ—было въ то время еще вопросомъ открытымъ, и потому надо было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы перевезти въ Гузово возможно больше галетъ.

Какъ я уже упомянулъ выше, въ теченіе боя пришлось выдвинуть въ боевую линію 13 баталіоновъ, такъ что остался въ резервъ одинъ только Ярославскій полкъ. Въ виду предстоящаго на слѣдующій день возобновленія боя, который долженъ былъ имѣть рѣшительный характеръ, и большихъ силъ противника, являлось необходимымъ сосредоточить къ резерву всѣ силы, какими только можно было располагать, а потому командиру Серпуховскаго полка, занимающаго д. Гузово, послано было приказаніе, оставивъ у Гузова на позиціи одинъ баталіонъ, остальные два присоединить къ общему резерву. Такъ какъ прочное обладаніе Казанлыкомъ находилось въ непосредственной зависимости отъ того, чѣмъ кончится бой подъ Шипкой, то въ то же время рѣшено было, оставивъ въ Казанлыкѣ лишь одинъ баталіонъ, остальные силы, подъ начальствомъ генерала Шнитникова, притянуть также къ Шипкѣ, для предстоящаго на слѣдующій день боя. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, послано было командующему 30-й пѣхотной дивизіей приказаніе выступить утромъ изъ Казанлыка, слѣдовать по направленію къ Шипкѣ и атаковать правый флангъ и тылъ турецкихъ позицій. Одинъ баталіонъ Ярославскаго полка, занимавшій въ теченіе дня д. Хаскюй, оставленъ былъ тамъ же на ночлегъ и ему было поручено охраненіе цѣлью аванпостовъ главнаго резерва къ югу и связь съ лѣвымъ флангомъ боевой линіи.

Хотя всѣ означенныя мѣры были приняты, но, отдавъ себѣ внимательный отчетъ объ общемъ положеніи дѣла, нельзя было не призадуматься серьезно. Положимъ, въ теченіе боя нами были взяты сильныя позиціи противника, но предстояло брать еще сильнѣйшія. Сраженіе въ этотъ день кончилось нерѣшительно. Противникъ обнаружилъ большое упорство въ оборонѣ и весьма солидныя силы. По теоріи вѣроятности, надо было полагать, что если мы къ предстоящему бою стянемъ все что возможно, то, конечно, и турки не преминутъ усилиться, чѣмъ только будутъ въ состояніи, и быть можетъ притянуть съ высотъ Шипки часть силъ на усиленіе отряда. Полнѣйшее отсутствіе всякихъ извѣстій объ иметлійскомъ отрядѣ и безучастіе его въ бою 27-го числа, въ связи съ упомянутою выше перестрѣлкою, слышанною съ утра и затѣмъ умолившею, невольно наводило на

мысль, что, быть можетъ, какія либо особыя причины совсѣмъ помѣшали дебушированію этого отряда въ долину Тунджи. Допустивъ справедливость подобнаго предположенія, было очевидно, что нашъ отрядъ являлся въ изолированномъ положеніи, и долженъ былъ полагаться лишь на свои собственныя силы. Притянувъ же все, что только можно было, мы имѣли въ резервѣ всего пять свѣжихъ баталіоновъ (Ярославскій полкъ и два баталіона Серпуховскаго полка), за исключеніемъ тѣхъ войскъ, которыя должны были подойти утромъ изъ Казанлыка подъ начальствомъ генерала Шнитникова. Отъ взятыхъ въ этотъ день плѣнныхъ получены были свѣдѣнія, что на подкрѣпленіе шипевинской арміи ожидается съ часу на часъ прибытіе 10,000-го отряда изъ Адрианополя. Такое же извѣстіе получено было отъ генерала Шнитникова изъ Казанлыка.

Къ довершенію всего, необходимо упомянуть о матеріальномъ положеніи отряда. Войска имѣли съ собою, какъ выше было упомянуто, по сту патроновъ на человѣка. Ожесточенный бой, продолжавшійся съ десяти часовъ утра до наступленія темноты, потребовалъ, конечно, не малаго расхода патроновъ, а пополнить ихъ было нечѣмъ. Пришлось въ теченіе ночи удѣлить часть патроновъ отъ частей, бывшихъ въ резервѣ, и родать тѣмъ войскамъ, которыя израсходовали ихъ, находясь въ боевой линіи.

Что касается до продовольственной части отряда, то она была не въ лучшемъ положеніи. Войска взяли съ собою шестидневный сухарный запасъ. 30-я же дивизія имѣла только трехдневный, такъ какъ была двинута внезапно изъ Тырнова и имѣла при себѣ самое ограниченное число вьюковъ, не позволявшее взять больше сухарей, такъ что еще въ д. Сельцахъ, 25-го числа, пришлось отъ полковъ 9-й дивизіи изъ скуднаго шестидневнаго запаса удѣлить часть сухарей для 30-й дивизіи. Если принять въ соображеніе, что войска выступили изъ Травны 24-го, а наступало 28-е число, т. е. прошло уже четыре дня, то станетъ очевиднымъ, что отрядъ доѣдалъ свои послѣдніе сухари, не зная, чѣмъ ему придется питаться завтра. Хотя въ тылу были сдѣланы всѣ распоряженія о томъ, чтобы изъ Травны на вьюкахъ былъ подвезенъ провіантъ, но его приходилось перевозить чрезъ Балканы въ концѣ декабря, когда неудачно выдавшійся день, съ мятежью и вьюгой, могъ совершенно прекратить на время сообщеніе съ тыломъ. Во всякомъ случаѣ, въ это время еще не было получено никакихъ свѣдѣній отъ интенданта отряда, въ какомъ положеніи находится подвозка провіанта. Правда, Казанлыкъ былъ уже занятъ нами, и въ немъ оказались огромные запасы

провіанта, но перевезти его къ войскамъ было не на чѣмъ, и имъ могли пользоваться только тѣ части 30-й дивизіи, которыя занимали городъ непосредственно. Обладаніе Казанлыкомъ было еще дѣломъ крайне сомнительнымъ, и всѣ эти запасы, вмѣстѣ съ городомъ, могли каждую минуту перейти вновь въ руки турокъ, если бы подошелъ ожидаемый ими изъ Лени-Загры десятитысячный отрядъ.

Принимая все это въ соображеніе, нельзя не согласиться, что положеніе отряда было крайне затруднительнымъ, если не критическимъ. Оставалась надежда, что къ утру, быть можетъ, положеніе дѣлъ болѣе выяснится, и со стороны иметлійскаго отряда обнаружатся признаки наступленія.

Къ утру 28-го числа, общее положеніе отряда было слѣдующее: въ боевой линіи войска занимали позицію такимъ образомъ: на крайнемъ правомъ флангѣ, примыкая непосредственно къ недоступнымъ скаламъ Балкановъ, расположены были три баталіона Сѣвскаго полка, 13-й стрѣлковый баталіонъ и одинъ баталіонъ Елецкаго полка, занимающіе ложементы и часть отнятыхъ у турокъ шалашей близъ самой оконечности д. Шипки. Въ центрѣ находились 14-й и 15-й стрѣлковые баталіоны и два баталіона Орловскаго полка, занимая курганы и ложементы между ними и впереди лежаціе; лѣвый флангъ до опушки леса занимали 16-й стрѣлковый баталіонъ, баталіонъ орловцевъ и два баталіона Елецкаго полка. Лѣвый флангъ охраняли три казачьи сотни подъ командою полковника Ралгина. Баталіону Ярославскаго полка, занимавшему въ теченіе ночи д. Хаскюй, приказано было къ разсвѣту подойти и составить ближайшій резервъ лѣваго фланга позиціи, такъ какъ по донесеніямъ турки начали усиливаться на своемъ правомъ флангѣ. Расположенные на бивакѣ у сѣверной оконечности д. Хаскюя, два баталіона Ярославскаго полка и два баталіона Серпуховскаго полка, составлявшіе общій резервъ, къ разсвѣту были подвинуты впередъ, ближе къ боевой линіи. Одинъ баталіонъ серпуховцевъ оставался въ тылу у д. Гузова для прикрытія вьючнаго обоза. Двѣ казачьи сотни, подъ начальствомъ командира полка, полковника Багланова, находились при общемъ резервѣ, въ непосредственномъ распоряженіи начальника отряда. Перевозочный пунктъ находился въ д. Япинѣ. Деревня Мангыльшъ была занята баталіономъ 30-й пѣхотной дивизіи. Въ Казанлыкѣ находились пять баталіоновъ Шуцкаго и Коломенскаго полковъ, изъ коихъ около четырехъ баталіоновъ должны были къ утру, подъ начальствомъ генерала Шнитникова, подойти къ Шипкѣ и принять участіе въ бою.

Разумѣется, войска на позиціяхъ провели крайне тревожную ночь. Немного, надо полагать, было людей, которые въ состояніи были уснуть спокойно при такой обстановкѣ. Отдѣльные выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ позиціи не прекращались въ теченіе всей ночи, принимая по временамъ довольно оживленный характеръ тамъ, гдѣ турки открывали огонь по нашимъ землянымъ работамъ. Наконецъ, началъ приближаться разсвѣтъ, а съ нимъ наступалъ день важный, рѣшительный, который военная исторія занесетъ крупными буквами въ свои скрижали, день славный для нашего оружія.

По мѣрѣ того какъ заря наступала и скрывавшіеся въ темнотѣ предметы начали постепенно выходить изъ ночной тѣни, ружейный огонь началъ мало по малу усиливаться. Вскорѣ за ружейной перестрѣлкой началась артилерійская канонада. Турки открыли огонь изъ всѣхъ орудій дальняго боя, которыми были вооружены ихъ земляныя укрѣпленія. Противъ насъ начало дѣйствовать болѣе двадцати орудій. Наша единственная горная батарея и два турецкихъ орудія, отнятыхъ накануне, храбро состязались съ многочисленной артилеріей противника. Комично и поучительно было видѣть это состязаніе пигмеевъ съ крупновскими пушками турокъ. Самый звукъ выстрѣла горнаго орудія въ сравненіи съ внушительнымъ звукомъ турецкаго выстрѣла, казался игрушечнымъ. Мало по малу, огонь противника, усиливаясь, принялъ крайне ожесточенный характеръ. Турки видимо подготовлялись къ атакѣ. Мы выжидали. Дѣйствительно, послѣ часоваго періода сильнѣйшаго огня, противникъ сдѣлалъ отчаянную попытку отбросить нашъ правый флангъ, находившійся близко къ д. Шипкѣ и безповокившій турокъ отчасти фланговымъ огнемъ. Попытка эта повторялась нѣсколько разъ, но вполнѣ безуспѣшно. Встрѣчаемые залпами войскъ праваго фланга, турки не выдерживали и, смѣшавшись, послѣшно отступали. Эти ожесточенныя атаки ихъ, встрѣчаемая съ необыкновенной выдержкой, послужили имъ только во вредъ, такъ какъ войска нашего праваго фланга еще ближе придвинулись къ Шипкѣ и частью своихъ стрѣлковъ успѣли занять восточную опушку деревни; центръ и западная часть находились еще въ рукахъ турокъ.

Послѣ этихъ безуспѣшныхъ атакъ противника наступилъ періодъ нѣкотораго затишья. Было 9 часовъ утра. Объ иметлійскомъ отрядѣ по прежнему не было никакихъ извѣстій. Начальникъ отряда князь Святополкъ-Мирскій былъ крайне озабоченъ этимъ. Всякій, поставившій себя на мѣсто начальника отряда, на непосредственной отвѣтственности котораго лежитъ участь какъ подчиненныхъ ему войскъ, такъ

и самого дѣла, припомнивъ ту обстановку, въ которой отрядъ находился, — и слабость резервовъ, недостатокъ натроновъ и продовольствія, возможное прибытіе ожидаемаго турками 10,000-го отряда и затруднительность сообщеній съ тыломъ, — пойметъ всю трудность его положенія. Приглашено было начальникомъ отряда нѣсколько лицъ изъ числа его окружающихъ и ближайшихъ начальниковъ частей и поставленъ былъ вопросъ что дѣлать: отступить ли къ Гузовской позиціи, пока еще не истощились всѣ резервы, и выждать тамъ дальнѣйшихъ событій, или же рѣшиться вести дѣло до конца и, не уступая пяди выгнаннаго пространства, направить всѣ усилія къ овладѣнію послѣдними позиціями противника? Вопросъ былъ крайне серьезный. На прибытіе отряда генерала Скобелева 2-го начала уменьшаться надежда; съ другой стороны, своевременное приближеніе ожидаемаго турками отряда изъ Лени-Загры, т. е. въ тылъ нашъ, могло поставить насъ между двухъ огней. Баталіонъ, занимающій деревню Мангыльшъ, не могъ, конечно, составить серьезной преграды 10,000-му турецкому отряду. Не взирая на эти невыгодныя условія, мысль объ отступленіи была на совѣтъ покинута. Слишкомъ тяжело было отказаться отъ дѣла, сдѣлавъ уже большую его половину, и уступить добровольно противнику позиціи, завоеванныя съ такимъ мужествомъ и цѣною большихъ жертвъ. Къ тому же, отступить, — это было равносильно неудачѣ всего предпріятія, которое должно было оказать такое важное вліяніе на исходъ всей войны. Вслѣдствіе этого, рѣшено было продолжать борьбу до конца; но такъ какъ слишкомъ разбрасывать силы начальникъ отряда не признавалъ удобнымъ при такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла, то генералу Шнитникову послано было приказаніе слѣдовать не на флангъ гурецкой боевой линіи, какъ было рѣшено сначала, а идти на д. Янину, для присоединенія къ общему резерву.

Послѣ небольшого промежутка затишья, послѣдовавшаго за неудачными атаками турокъ на нашъ правый флангъ, огонь опять началъ усиливаться, и турки цѣлыми массами двинулись въ атаку противъ нашего центра, но, встрѣченные сосредоточеннымъ огнемъ пѣхоты и орудій горной батареи, отлично дѣйствовавшей и наносившей громадное опустошеніе въ ихъ рядахъ, они не выдержали и въ безпорядкѣ отступили. На лѣвомъ флангѣ, противъ роши, шла въ это время только ружейная перестрѣлка, но когда центральная атака турокъ была отбита, то они начали массироваться противъ нашего лѣваго фланга, съ цѣлью сдѣлать еще въ этомъ направленіи попытку и въ надеждѣ, что она окажется удачною. Видимо турки начали обнаруживать лихорадоч-

ную суетливость, которая была намъ на руку. Вѣроятно они успѣли уже въ это время получить извѣстіе съ тыла о приближеніи отряда генерала Скобелева 2-го, о чемъ мы еще ничего не знали.

Атака турками нашего лѣваго фланга была для нихъ еще болѣе неудачна. Войска лѣваго крыла, усиленныя баталіономъ ярославцевъ, находившихся въ ближайшемъ резервѣ, встрѣтили атаку ожесточеннымъ огнемъ, затѣмъ сами перешли въ наступленіе и выбили турокъ изъ роши. Занятіе ея составило важный успѣхъ, такъ какъ наша пѣхота начала обстрѣливать близъ лежащій турецкій редутъ такимъ убійственнымъ огнемъ, что турки принуждены были очистить и покинуть редутъ, наносившій до того нашимъ войскамъ центра большой вредъ.

Между тѣмъ, группировка силъ противника въ центрѣ и на правомъ флангѣ повлекла очевидно къ ослабленію его лѣваго фланга, вслѣдствіе чего рѣшено было атаковать Шипку. Занятіе этого пункта являлось чрезвычайно важнымъ какъ по тактическому, такъ и по стратегическому его значенію. Овладевъ Шипкой, мы пріобрѣтали возможность дѣйствовать во флангъ позиціи противника и въ то же время занимали пунктъ, чрезъ который шелъ единственный выходъ изъ горъ, и отрѣзывали такимъ образомъ сообщенія войскъ, ввиду расположенныхъ, съ силами, занимающими высоты перевала. Для достиженія этой важной цѣли правый флангъ былъ усиленъ двумя ротами Ярославскаго полка, выдвинутыми изъ резерва, а 34-й пѣхотный Сѣвскій полкъ былъ направленъ въ атаку на Шипку. Сѣвцы дружно двинулись впередъ и, не взирая на ожесточенный огонь турокъ, занимавшихъ каменные строенія и ограды деревни, овладѣли ею штурмомъ. Тотчасъ телеграфная проволока, соединяющая турецкій отрядъ съ силами, расположенными на высотахъ перевала, была разорвана и сообщеніе между ними прекращено. Овладевъ такими двумя важными пунктами позиціи противника на правомъ и лѣвомъ флангѣ, мы пріобрѣтали важныя преимущества, имѣя возможность дѣйствовать противъ нихъ не только съ фронта, но и съ обонхъ фланговъ, охватывая дугою все ихъ расположеніе.

Было около 11-ти часовъ утра. На всѣхъ пунктахъ попытки турокъ перейти въ наступленіе были отбиты. Въ рукахъ турокъ оставались еще два-три центральныхъ укрѣпленія и огромный курганъ, составлявшій ихъ главный редюитъ. Не смотря на крайне скуное расходуваніе резервовъ, два баталіона ярославцевъ пришлось уже придвинуть къ боевой линіи на ея усиленіе въ вѣ-

КАРТА

Действий Травненской колонны
27-28 Декабря
1877 г.

д. ШИПКА.

д. Шейново

Турки

Русские

Масштаб

1² верста в дюйм

д. Лаской

д. Ямина

в Кадомский

в д. Ямина - р. в д. Ямина

карт. Н. Кононов.

еской ул. д. N: 94-я.

которыхъ пунктахъ, такъ что въ общемъ резервъ оставалось лишь два серпуховскихъ баталіона. Баталіоны генерала Шнитникова, получивъ на маршѣ приказаніе повернуть къ д. Янинѣ, пошли полемъ, въсколько уклонились въ сторону и не успѣли еще подойти. Въ это время отъ полковника Ралгина, занимавшаго крайній лѣвый флангъ нашего расположенія, прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что вдали виднѣются со стороны Иметли движущіяся войска, которыя должны принадлежать къ отряду генерала Скобелева 2-го, а чрезъ десять минутъ другой ординарецъ прискакалъ съ новымъ извѣстіемъ, подтверждающимъ первое. Казаки иметлійскаго отряда уже входили въ связь съ нашими казаками. Отъ полковника Крота, командующаго боевою линіею, также получено было донесеніе, что въ тылу турокъ вдали показываются массы пѣхоты, очевидно принадлежащей къ отряду иметлійскому, и тамъ же начинается перестрѣлка. Наступалъ послѣдній актъ кровавой драмы. Приближалась минута, когда надо было нанести туркамъ послѣдній и окончательный ударъ.

Всѣмъ остальнымъ силамъ резерва приказано было двинуться къ боевой линіи на усиленіе наиболее слабыхъ пунктовъ и готовиться къ общей атакѣ. Пока эти распоряженія приводились въ исполненіе, огонь въ тылу турокъ разгорался болѣе и болѣе. Дивизія генерала Скобелева 2-го энергически наступала, закрывая послѣдній выходъ противнику. Видя себя окружаемыми со всѣхъ сторонъ, турки сдѣлали отчаянную попытку прорваться на нашемъ правомъ флангѣ. Вмѣстѣ съ пѣхотою двинулась въ этомъ же направленіи масса турецкой кавалеріи, но, встрѣченная убійственнымъ огнемъ 13-го стрѣлковаго и Елецкаго баталіоновъ съ фронта и Сѣвскаго полка изъ д. Шипки съ фланга, эта масса хлынула назадъ. Пѣхота болѣе не помышляла уже на прорывъ послѣ этой неудачи, но кавалерія начала метаться во всѣ стороны. Потерпѣвъ неудачу на нашемъ правомъ флангѣ, масса черкесовъ сгруппировалась противъ центра и помчалась съ цѣлью проскочить между ложементами, но, встрѣченная и съ этой стороны мѣткимъ огнемъ пѣхоты и понеся громадныя потери, она разбилась на двѣ части: изъ нихъ одна метнулась вправо, въ промежутокъ, отдѣляющій еще нашъ отрядъ отъ отряда иметлійскаго; за нею же вскорѣ, послѣ нѣкотораго колебанія, помчалась и другая. Къ сожалѣнію, у насъ было такъ мало кавалеріи, что не представлялось возможности перехватить черкесовъ цѣликомъ. Несясь въ рассыпную и на скаку отстрѣливаясь изъ магазинковъ, отъ трехъ до четырехъ сотъ черкесовъ какъ вихрь проскочили мимо нашего лѣваго фланга и, рассыпавшись вѣеромъ по до-

ливѣ Тунджи, помчались къ Малымъ Балканамъ. Пѣхота наша до того увлеклась, что пустилась было на крайнемъ лѣвомъ флангѣ бѣгомъ преслѣдовать турецкую кавалерію, провожая ее на бѣгу выстрѣлами. Конечно, это неравное состязаніе продолжаться долго не могло. Казаки, подъ командою полковника Ралгина, не имѣвшіе возможности по малочисленности своей атаковать турецкую кавалерію въ конномъ строю, спѣшились и провожали ихъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ.

Войска генерала Скобелева 2-го, овладѣвъ въ это время Шейновымъ и занявъ турецкій лагерь, готовились штурмовать центральный редутъ Углицкимъ полкомъ. Турки, чувствуя, что для нихъ наступаетъ критическая минута, открыли ужасающій огонь, въ надеждѣ остановить наступленіе. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ гремѣлъ неумолкаемый трескъ ружейнаго огня, разносившагося по всей долинѣ Тунджи и перекатывавшагося эхомъ по горамъ. Это былъ настоящій адъ. До какой степени былъ силенъ и непрерывенъ ружейный огонь, можно заключить изъ того, что за перекатами его не было слышно орудійныхъ выстрѣловъ, не взирая на то, что съ обѣихъ сторонъ непрерывно дѣйствовало болѣе сорока орудій. Всей нашей линіи данъ былъ сигналъ къ общей атакѣ. На редутъ двинулись съ одной стороны Углицкій полкъ, съ другой стрѣлки. Вдругъ по всей линіи огонь турокъ началъ умолкать. Наши войска двигались впередъ, не отдавая еще себѣ отчета, что это значить. За пороховымъ дымомъ, смѣшавшимся съ легкою мглою сѣраго дня, нельзя было хорошо различать что дѣлается вдали. Вдругъ раздались голоса, что турки сдаются, и, дѣйствительно, на турецкихъ укрѣпленіяхъ и главномъ курганѣ усмотрѣны были бѣлые флаги. Войска пріостановились; трудно вѣрилось сначала, но фактъ становился очевиднымъ. Громовое «ура» десятковъ тысячъ голосовъ разнеслось торжественно въ воздухъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и неслось перекатами отъ одного фланга къ другому, наполняя отголосками своими суровыя ущелья Балкановъ. Была высоко-торжественная минута. Армія турецкая съ главнокомандующимъ своимъ безусловно положила оружіе. Труды, лишенія, жертвы, все было забыто и вознаграждено въ этотъ моментъ.

Немногое остается прибавить къ сказанному. Какъ только положили оружіе таборы, дѣйствовавшіе противъ насъ внизу, у подошвы Балкановъ, то сдѣлалось яснымъ, что ничего другаго не оставалось дѣлать и тѣмъ войскамъ, которыя занимали высоты, такъ какъ имъ

отрѣзанъ былъ путь отступленія и подвозъ продовольствія. Главнокомандующій всѣхъ силъ, внизу и наверху расположенныхъ, Вессель-паша, находившійся уже въ нашихъ рукахъ, послалъ приказаніе сдаваться прочимъ войскамъ, занимающимъ позиціи на высотахъ.

Значеніе этой полной побѣды едва ли требуетъ поясненій. Послѣдствія ея имѣли самое рѣшительное значеніе. Однимъ ударомъ, нанесеннымъ туркамъ въ этомъ дѣлѣ, Балканы были очищены. Всѣ турецкіе отряды, занимавшіе проходы Хаинкойскій, Сливненскій и прочіе, въ полной паникѣ и деморализаціи покинули ихъ и бросились къ Адрианополю. 10,000-ный вспомогательный отрядъ, шедшій къ Вессель-пашѣ на подкрѣпленіе и находившійся всего въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, узнавъ отъ прорвавшихся черкесовъ объ участи шипкинской арміи, поспѣшно отступилъ къ Адрианополю. Не можетъ быть сомнѣнія, что свѣдѣніе объ этомъ дѣлѣ, дошедшее до Сулеймана-паши, имѣло рѣшающее вліяніе на его поспѣшное отступленіе, граничащее съ бѣгствомъ, такъ какъ дебушированіе нашихъ войскъ чрезъ Балканы и движеніе на Эски-Загру и Херманлы угрожало его пути отступленія. Нельзя не обратить вниманія на то, что шипкинская армія составляла одинъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ турецкихъ силъ, такъ какъ состояла изъ тѣхъ войскъ, которыя имѣли отличную боевую школу сперва на черногорскомъ театрѣ войны, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на Шипкѣ, и совершали такія, по истинѣ заслуживающія изумленія, отчаянныя атаки на наши шипкинскія позиціи.

О потеряхъ турокъ въ этомъ дѣлѣ свѣдѣній не имѣется, но онѣ должны были быть очень велики. Всего сдались 41 таборъ и болѣе ста орудій. Масса различнаго военнаго матеріала и оружія досталась въ наши руки.

Потери, понесенныя отрядами князя Святополкъ-Мирскаго въ теченіе двухдневнаго боя 27-го и 28-го чиселъ были слѣдующія:

9-я пѣхотная дивизія (Елецкій, Съвскій и Орловскій полки) потеряла убитыми и ранеными около 1,450 нижнихъ чиновъ и болѣе 50 офицеровъ. 4-я стрѣлковая бригада лишилась выбывшими изъ строя 567 нижнихъ чиновъ и 24 офицера. Бригада 30-й дивизіи (Ярославскій и Серпуховскій полки) понесла очень малыя потери, и тѣ достались на долю Ярославскаго полка, такъ какъ эти полки составляли общій резервъ, и только Ярославскій полкъ, во второй день боя, принялъ участіе въ дѣлѣ. Въ 23-мъ Донскомъ казачьемъ полку вышло изъ строя 23 нижнихъ чина, одинъ офицеръ и 30 лошадей.

Вся потеря простиралась до 2,030 нижнихъ чиновъ и до 80 офицеровъ.

Выпущено патроновъ: 33-мъ Елецкимъ полкомъ, при составѣ полка въ 2,802 человѣка—82,046; 34-мъ Стѣвскимъ, при составѣ въ 1875 человѣкъ—103,208, и 36-мъ Орловскимъ, при составѣ въ 1,959 человѣкъ—83,980. О прочихъ частяхъ свѣдѣній не имѣется (').

Р. Раабень.

(') Все обстоятельство движенія и дѣйствій отряда составлены по подлиннымъ донесеніямъ начальниковъ разныхъ частей и документамъ, сосредоточивавшимся у меня, какъ у начальника штаба отряда.